

ГОЛОД 1921 – 1922 ГГ. В УДМУРТИИ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

© 2008 В.А.Клишева

Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения Российской академии наук

В статье на основе архивных документов и других источников раскрываются причины и последствия голода, охватившего территорию Удмуртии в 1921 – 1922 гг. Основное внимание уделено демографическим и экономическим изменениям, которым подверглось крестьянское население.

В 1921 – 1922 гг. губернии Поволжья, Дона, Северного Кавказа и других регионов страны поражены сильнейшей засухой, самой опустошительной в мировой истории. Территория Вотской автономной области¹ не являлась центром событий. Тем не менее, масштабы последствий неурожая 1921 – 1922 гг. вполне сопоставимы с демографическими и экономическими потерями в республиках и губерниях Поволжья.

В вопросе о главных причинах трагедии 1921 – 1922 гг. на современном этапе историографии доминирует точка зрения, согласно которой решающим фактором была продовольственная политика Советского государства. Ситуация в крае усугублялась тем, что Удмуртия в годы Гражданской войны дважды становилась театром боевых действий. В ходе сражений сельскому населению был причинен большой материальный урон: конфисковано свыше 21 тыс. лошадей, 29 тыс. коров, сожжено более 3 тыс. жилых домов².

В результате реквизиций в период военного коммунизма 2,8% крестьянских хозяйств остались без продуктивного скота, 11,7% – без лошадей, 8,6% – без сельскохозяйственного инвентаря³. Были сведены к минимуму условия товарообмена, сократились промыслы: от рыночных форм крестьянской промышленности они перешли в разряд потребительской, удов-

летворяющей нужды только членов семьи. Источники заработков крестьян от неземледельческих работ сократились до минимальных размеров. Большинство кустарей решением местных комитетов бедноты отнесли к разряду "богачей-кулаков" и обложили контрибуцией, а потом и чрезвычайным налогом⁴. Внеэкономические приемы подчинения деревни городу не смогли решить продовольственной проблемы. Сокращение производственных ресурсов поставило крестьянство в крайне тяжелые условия выживания. Принудительное отчуждение продуктов без всякой компенсации, разрыв рыночных связей привели не только к натурализации крестьянского хозяйства, но и к лишению необходимого посадочного семенного запаса. Главной причиной недосева 1921 г. стала нехватка семян. Крестьяне, не заинтересованные в расширении посевной площади, стремительно сокращали свои посевы. Чтобы склонить крестьян к расширению запашки, органами власти были использованы все доступные средства. Среди бедняков развернули широкую агитационную кампанию, направленную на создание активной поддержки заготовительным учреждениям. Преодоление последствий природных катаклизмов для большинства крестьянских хозяйств Удмуртии оказалось невозможным.

Дожди на территории Удмуртии в 1921 г. прошли лишь в апреле и начале мая, когда озимые всходы едва показались из-под снега. Затем наступила засуха, погубившая и озимые, и яровые всходы. Влага, сохранившаяся в почве после таяния снегов, не могла в достаточном количестве обеспечить нормальный рост растений, так как зима 1920 – 1921 гг. была мало-

¹ Вотская автономная область (ВАО) была образована декретом ВЦИК от 4 ноября 1920 г. 1 января 1932 г. Президиум ВЦИК переименовал Вотскую автономную область в Удмуртскую автономную область (УАО). 28 декабря 1934 г. Президиум ВЦИК преобразовал Удмуртскую автономную область в Автономную советскую социалистическую республику (УАССР).

² История Удмуртии XX век. – Ижевск: 2005. – С. 82.

³ Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1920 года. Вып. 5. – Москва: 1922. – С. 34 – 42.

⁴ ГАКО (Государственный архив Кировской области). Ф. Р-1880. Оп. 1. Д. 17. Л. 28 – 29 об.

снежной⁵. Кроме того, в июне град побил не только всходы на полях, но и огородные культуры. В результате засухи выгорели травы, что повлекло за собой нехватку кормов, а впоследствии и падеж скота.

В июле 1921 г. состояние хлебов и технических культур, оценка которых осуществлялась по пятибалльной шкале, выглядело следующим образом: рожь – 0,98 баллов, овес – 1,43, ячмень – 1,1, пшеница – 1,7, гречиха – 1, горох – 1,3, картофель – 2, лен – 1, конопля – 1,4. Оценка урожая яровых хлебов и технических культур, проведенная 3 августа 1921 г. по пятибалльной системе, дала следующие результаты: овес – 1,9 балла, ячмень – 1,3, гречиха – 1,4, горох – 0,1, картофель – 3,2, лен – 1,9, конопля – 2,2.⁶ В середине июля в области участились случаи лесных пожаров⁷. Наиболее потерпевшим от голода районом был Сарапульский уезд. О крайне тяжелом положении крестьянства было сообщено в виде доклада на уездном экономическом совещании, состоявшемся в г. Сарапуле в августе 1921 г. В постановлении совещания по итогам рассмотрения многочисленных жалоб крестьян констатировалось: "Снабжать хлебом крестьянское население уезда мы не можем, даже по самым голодным нормам"⁸. Самыми пострадавшими здесь были Юринская, Арзамасцевская и Чегандинская волости, расположенные преимущественно на юге уезда. Показатели голодной смертности здесь намного выше, чем в других волостях. Например, в Арзамасцевской волости от голода и вызванных им болезней за период с июля 1921 г. по декабрь 1922 г. умерло 1552 человека, или 15% всего населения волости, в Каракулинской – 16,4%, Чегандинской – 11,4%, Юринской – 9,6%⁹.

Количество голодающих по Сарапульскому уезду к декабрю 1921 г. достигло 28547 человек, 15943 из них были дети. С января по июль 1922 г. число голодающих дошло до 138059 человек¹⁰. Скучных запасов продовольствия и суррогатов, заготовленных летом и осенью в 1921 г., не осталось. Сарапульский

гарнизонный врач так повествует об увиденном: "Результаты жизни не поддаются описанию. Изнеможенные, исхудалые лица, напоминающие выходцев с того света, мертвенно бледные, как тени, шатающиеся от слабости детишки, не могущие без посторонней помощи пройти по комнате. При одном взгляде на хлеб, коим вынуждена питаться деревня, проходит дрожь по телу. Чистой лебеды во многих деревнях нет. На наш вопрос: "Как жить будем?", – слышится всюду один и тот же ответ тупого отчаяния: "Умирать будем"¹¹.

По данным переписи 1920 г., в Сарапульском уезде насчитывалось 104314 человек (исключая г. Сарапул), а в 1922 г. их число, включая население уездного центра, составило 96394 человека¹². Эти данные свидетельствуют о весьма серьезных демографических проблемах, вызванных голодом.

Неизбежными спутниками голода явились эпидемии. Тиф в области вспыхнул летом 1921 г. и не прекращался в течение следующего года.¹³ Вслед за ним началась эпидемия холеры. Приехавшие из Туркестана голодобеженцы привезли неизвестную в регионе малярию.

Крестьяне продавали дома и скот по низким ценам. Порой денег хватало на то, чтобы добраться до другого места, более, на взгляд крестьян, благополучного. Поток голодобеженцев из ВАО был направлен в сторону Северодвинска, Вологды, Тихвина, Котельнича¹⁴. Многие из крестьян пополняли ряды бездомных скитальцев. Борьба с наплывом голодобеженцев власти пытались с помощью заградительных отрядов.

Весной 1922 г. область испытывала дефицит семенного материала в 1639484 пуда; земельная площадь, оставшаяся незасеянной, составляла 104127 десятин (30% пригодной для посева земли).¹⁵ С уменьшением посевных площадей изменилось и соотношение высеваемых культур. В основном, сократились посевы овса и ячменя. Их доля в яровом клине составила лишь 23% по отношению к показателям за 1916 г.¹⁶ Поскольку производство зерна и животноводство – тесно взаимосвязанные отрас-

⁵ Красное Прикамье. 1921. 3 августа.

⁶ Ижевская Правда. 1921. 13 июля.

⁷ Там же. 1921. 25 июля.

⁸ ЦГА УР. Ф. Р-331. Оп. 1. Д. 442. л.8.

⁹ ЦГА УР (Центральный государственный архив Удмуртской Республики). Ф. Р-908. Оп. 1. Д. 23. Л. 47.

¹⁰ Там же. Л. 22.

¹¹ Красное Прикамье. 1922. 8 апреля.

¹² ЦГА УР. Ф. Р-908. Оп. 1. Д. 23. Л. 114.

¹³ ЦГА УР. Ф. Р-26. Оп. 2. Д. 1. Л. 60-61.

¹⁴ ЦГА УР. Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 173. Л. 16.

¹⁵ Ижевская правда. 1922. 30 июля.

¹⁶ ЦГА УР. Ф. Р-817. Оп. 1. Д. 7. Л. 64

ли, падение валовых сборов зерновых культур, особенно овса и ячменя, привело к недостатку грубых кормов.

Вотскую Автономную область первоначально отнесли к разряду "благополучных по урожаю" районов. Центральными органами на основании среднестатистических данных об урожайности по Вятской губернии с 1 июля 1921 г. были признаны голодающими лишь Можгинский и Ижевский уезды, а также 7 волостей Дебесского уезда. После сбора областным исполнительным комитетом более точных сведений и неоднократном, в течение июля, августа, сентября и октября 1921 г. обращениях в Совет труда и обороны статус голодающих районов получили еще 5 волостей Дебесского уезда, 9 – Глазовского и 5 – Селтинского. "Благополучными по урожаю" продолжали оставаться 10 волостей Глазовского и 6 волостей Селтинского уездов¹⁷. Эти волости получали государственную помощь в последнюю очередь. Крестьяне, проживавшие в таких волостях, должны были выполнять налоговые обязательства в полном объеме.

Подобная дискриминация являлась следствием отсутствия точной информации о количестве голодающего населения. Областное руководство выражало крайнюю тревогу по поводу несоответствия реальной действительности поступающих от уездных комитетов помощи голодающим (далее КПП) статистических данных о масштабах голода.¹⁸ Председатель областного экономического комитета М.А.Агапитов в докладе на III областном съезде Советов ВАО в июне 1922 г. признал: "Все были убеждены, что область постигло огромное стихийное бедствие, но как оно велико, каковы размеры бедствия, сколько людей нуждается в помощи, никто точно не знал"¹⁹. Как отмечалось в отчете Глазовской комиссии помощи голодающим, работникам КПП приходилось о размерах голода судить лишь "приблизительно к полученным данным"²⁰. По данным ЦК Помгола, наибольшее число голодающих в области приходилось на июль 1922 г., когда голодало 74% населения²¹. О масштабах бедствия свиде-

тельствуют данные областного управления народнохозяйственного учета: в январе 1922 г. в Можгинском уезде, при общем количестве населения 144256 человек, голодало 144246, в Дебесском из 123626 – 88373, в Глазовском из 212001 – 112485, в Селтинском из 89281 – 43951, в Ижевском из 119027 – 118927 человек.²² Председатель областного исполнительного комитета И.А.Наговицин на внеочередном заседании Областного комитета помощи голодающим ВАО (далее ОКПП), проходившем в г. Ижевске 13 октября 1922 г., констатировал, что в 1921 – 1922 гг. голодало 545000 человек, или 80,5% населения области²³.

Население, лишенное полноценных продуктов, употребляло в пищу семена лебеды, гнилушки, кору и т.п. Летом 1922 г. почти 100% крестьянских семей Можгинского уезда не имели возможности питаться чистым хлебом. В Дебесском уезде суррогатный хлеб выпекали 95% хозяев, в Ижевском – 93,4%, в Глазовском – 92,3%. Лебеду в муку подмешивали в пропорции 120 фунтов на 100 фунтов муки, картофель – 120 фунтов на 100 фунтов муки. В Селтинском уезде использовали гречиху, которую подмешивали в муку в отношении 30 фунтов на 100 фунтов муки. В Можгинском уезде в пищу употреблялась трава (600 фунтов травы на 100 фунтов муки), лебеда с мякиной и березовой корой (150 фунтов: 150 фунтов: 50 фунтов: 100 фунтов муки)²⁴ – так выглядели страшные рецепты "голодного хлеба". Самые высокие показатели заболеваемости от употребления суррогатов по ВАО были зафиксированы в сельской местности Ижевского уезда.

Положение южных уездов области усугублялось наплывом голодобеженцев из Оханского уезда Пермской губернии, соседних уездов Вятской губернии и Татарской Республики.

Борьба с голодом велась как широкая государственная кампания. Для координации действий был создан Центральный комитет Помощи голодающим (далее ЦКПП). Областная комиссия была организована 11 августа 1921 г. В короткие сроки после ее создания создали комиссии в уездах и волостях, разработали ближайшие планы работы по оказанию реальной помощи голодающему населению. Первым шагом мероприятий, направленных на

¹⁷ ЦГА УР. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 18. Л. 5 об.

¹⁸ Там же. Л. 72.

¹⁹ Протокол III Областного Съезда Советов. Ижевск, 1922. Л. 22.

²⁰ ЦГА УР. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 15. Л. 3 об.

²¹ Итоги борьбы с голодом. – М.: 1922. – С. 460.

²² ЦГА УР. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.

²³ ЦГА УР. Ф. Р-514. Оп. 1. д. 2. Л. 5.

²⁴ ЦГА УР. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 16. Л. 73.

борьбу с голодом, стала организация общественного детского питания. Далее определили очередность снабжения: в первую очередь, согласно плану, помощь должна была быть оказана населению Можгинского, Ижевского уездов и 7 волостей Дебесского, во вторую очередь – жителям 9 волостей Глазовского уезда, а также оставшихся волостей Дебесского уезда и 6 волостей Селтинского уезда.

Практически сразу в деятельности КПП появились негативные явления: волокита, нерешительность низовых органов власти, подозрительность, стремление свести потери к экономическим показателям. Уездные КПП были лишены самостоятельности и по самым незначительным вопросам обращались в областную КПП. Отсутствие инициативы у членов уездных и волостных комиссий помощи голодающим объяснялось не только живучестью военно-коммунистических традиций, привычкой к выполнению приказов сверху, но и слабостью их кадрового состава. Работники комиссий нередко сами злоупотребляли своим положением. В одной из сводок, представленной уездной комиссией в ОКПП, отмечалось: "Злоупотреблений по организации общественного питания много"²⁵.

Одним из острейших вопросов в деятельности комиссий Помгола являлся вопрос о формировании их бюджетов. Признавая губернии и уезды голодающими, государство отказывалось от сбора с них общегосударственного налога. Тем не менее, местной власти было предоставлено право самостоятельно устанавливать размеры налогов с не пострадавших хозяйств. Степень нуждаемости или обеспеченности того или иного хозяйства устанавливались на местах. В 1921 – 1922 гг. существовала целая система местных налогов и обложений, средства от которых поступали в фонд Помгола. К примеру, средства в уездные комиссии поступали из следующих источников: отчисления со всех промысловых свидетельств, выдаваемых финотделом (50 коп с 1 рубля), отчисления со всех договоров и сделок нотариального стола уездных бюро юстиций, по 1 фунту с пуда чистого мяса скота, забиваемого на государственных бойнях (исключение составлял скот, забиваемый по продналогу)²⁶. С 15 августа 1921 г. в уездах ВАО стали взиматься отчисления по 1

фунту с пуда хлеба, проходившего по государственному и кооперативному товарообороту. Ответственность за пополнение фондов КПП была возложена на областные союзы, фактически производившие хлебозаготовки. Если же заготовки осуществлялись производителями самостоятельно, удержание осуществлялось при выдаче разрешения на вывоз заготовленных продуктов²⁷. КПП тщательно контролировала отчисления. Областной союз каждые 10 дней предоставлял сводку ЦК Помгола о количестве поступающих продуктов. Одним из источников формирования фонда КПП являлся общегражданский налог в пользу голодающих. Чтобы преодолеть недостаток денежных поступлений, органы Помгола проводили широкую агитационно-пропагандистскую кампанию по сбору добровольных пожертвований. Повсеместно проводились двухнедельники помощи голодающим детям. Результаты такой помощи были ничтожно малы. Так, в Галановской волости удалось собрать: хлеба печеного – 4 3/8 ф., картофеля – 7 п. 28 3/4 ф., овощей – 1 п. 25 1/4 ф., лука – 3 ф., яиц – 50 шт., огурцов 150 шт., молока 2 1/2 четверти, ватрушек – 7 шт., денег на сумму 6063 рубля²⁸.

Руководством страны был найден еще один источник пополнения денежных средств – церковь и ее имущество. 23 февраля 1922 г. в "Известиях ВЦИК" был опубликован декрет ВЦИК "О ценностях, находящихся в церквях и монастырях". Для работы на местах создали областные комиссии. В уездах работа по изъятию церковных ценностей завершилась в течение месяца. В церквях г. Глазова собрали церковной утвари на сумму 68398 рублей золотом.²⁹ В десяти церквях Дебесского уезда к концу марта 1922 г. изъяли 3 п. 21 ф. серебра. Конфискованного имущества церковей области хватило всего лишь на 10 вагонов муки³⁰.

Внутриобластные источники формирования бюджета комиссий помощи голодающим (налоги, добровольные пожертвования, церковное имущество) были недостаточными. Основная часть средств и продовольствия поступала из-за пределов области. Для обсеменения озимого клина требовалось не менее 1463813

²⁵ Там же. Л. 1.

²⁶ ЦГА УР. Ф. Р-514. Оп. 1. Д. 6. Л. 5 об.

²⁷ Там же. Д. 3. Л. 9.

²⁸ ЦДНИ УР. Ф. Р-16. Оп. 1. Д. 297. Л. 24.

²⁹ ЦГА УР. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 15. Л. 15 об.

³⁰ Протокол III Областного Съезда Советов. Ижевск, 1922. С. 25.

пудов зерна³¹. Всего на обеспечение озимого сева 1921 г. крестьяне получили около 500000 пудов семенного зерна³².

Руководство полевыми работами осуществлялось областным посевным комитетом и созданными в уездах и волостях его отделениями. Комитеты Помгола организовывали подготовку посевной 1922 г. и распределяли семенной материал в зависимости от нужд населения и инструкций вышестоящих органов. Как отмечалось в отчете областного экономического совещания ВАО от 1 октября 1922 г. Совету труда и обороны, "развозка посадочных семян шла успешно и дружно... Сильное желание населения получить семена выражалось в том, что большинство граждан семена с пунктов на расстоянии 20 – 30 верст и более носило на себе, развозило на санях и тележках".³³ Семена выдавались с условием возврата их не позднее 1 декабря 1922 г. На семена хлебных злаков начислялось 12%, на семена картофеля – 100%³⁴. Выданное зерно и посадочный материал могли использоваться только для посева.

В основу распределения семматериала был положен социальный критерий, а не экономическая состоятельность, что имело свои негативные последствия. Инструкция строго определяла очередность получения семян. Первыми в списках значились семьи красноармейцев и вдовы красноармейцев, затем бедняки. Маломощные хозяйства, получившие семена в первую очередь, приступили к посевной позже. Крестьяне, не сумевшие сохранить рабочий скот, вынуждены были арендовать лошадей за высокую плату: один пуд за день вспашки³⁵. Не имея рабочего скота, бедняки ждали, когда отсеются зажиточные. Последние, сохранив относительно сильный экономический потенциал, часто не дополучали достаточного количества семенной ссуды. Об этом свидетельствуют многочисленные телеграммы с жалобами в уисполкомы³⁶. Пренебрежение экономическими возможностями крестьянского хозяйства при распределении семматериала привело к тому, что бедняцкие хозяйства не смогли вернуть ссуду к назначенному сроку. Количество голодаю-

щих после снятия урожая яровых продолжало расти³⁷. С июля по октябрь 1922 г. наблюдался пик показателей смертности от голода.

Волостными органами предпринимались меры по обеспечению сохранности полученного семматериала. В каждой волости создавались чрезвычайные семенные тройки, в состав которых входили председатели волисполкома и комитета взаимопомощи. Несмотря на строгий контроль за полученным зерном, были случаи его кражи. Например, в Галевской волости 25 апреля 1922 г. украли 11 пудов зерна³⁸.

В целях более рационального использования полученного семматериала уездное земельное управление организовало ряд мероприятий, направленных на ликвидацию сельскохозяйственной неграмотности. Так, до апреля 1922 г. работали полуторамесячные курсы повышения агротехнических знаний крестьян. Областное бюро по организации кооперативов и участковые агрономы были заняты выявлением жизнеспособности сельскохозяйственных объединений и готовности их к посевной кампании.

Всего за 1921 – 1922 г. крестьяне получили 1551900 пудов семенной ссуды³⁹. К этой цифре нужно еще прибавить 350000 пудов, ссуженных государством в период ярового сева 1923 г. Таким образом, область к 1924 г. задолжала около 2 млн пудов зерна.

На территории ВАО осуществляли свою деятельность зарубежные организации: Американская администрация помощи (далее АРА), Французский Красный Крест (далее ФКК), Врачебно-питательный поезд имени служащих Китайско-Восточной железной дороги. Областной русско-американский комитет помощи голодающим был создан 26 мая 1922 г. Вотская область вошла в Казанский район АРА, которая приступила к работе в области в июне 1922 г. Вся область была поделена на кантоны, в которых выбирался свой комитет по распределению пайков. Помощь зарубежных организаций осуществлялась в виде ежедневных пайков питания для детей, калорийность которых не превышала 700 ккал.⁴⁰ На получение пайка могли рассчитывать, в основном, городские дети. Сотрудничество представителей иностранных организаций, оказывающих медицинскую и гума-

³¹ ЦГА УР. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 6. Л. 22.

³² Итоги борьбы с голодом. – М.: 1922. – С. 74.

³³ Удмуртская правда. 1922 г. 22 апреля.

³⁴ ЦГА УР. Ф. Р-331. Оп. 1. Д. 575, лл. 34 – 38.

³⁵ ЦГА УР. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 137. Л. 43.

³⁶ ЦГА УР. Ф. Р-331. Оп. 1. Д. 75. Л. 54.

³⁷ ЦГА УР. Ф. Р-908. Оп. 1. Д. 23. Л. 57 об.

³⁸ ЦГА УР. Ф. Р-331. Оп. 1. Д. 75. Л. 28.

³⁹ Очерки истории Удмуртской АССР Т. II. – Ижевск: 1962. – С. 103.

нитарную помощь, и местных КПП носило часто конфликтный характер. Недовольство возникало по поводу просроченных продуктов, больших расходов на содержание аппарата, экзотических продуктов питания, привезенных из Маньчжурии, выдаваемых в качестве пайка местным крестьянам⁴¹.

Голод 1921 – 1922 гг. вызвал колоссальные изменения в демографической ситуации. Статистические данные областной комиссии "Последствия голода" ("Последгол") свидетельствуют, что за период голода в сельской местности погибло от голода и вызванных им болезней 29263 человека.⁴² На каждую 1000 человек, проживавших в сельской местности, приходилось 46 умерших.

По данным областного статистического бюро, в октябре 1923 г. в ВАО насчитывалось 5947 заброшенных хозяйств⁴³.

Всего по области к октябрю 1923 г. было выявлено 7818 несеющих хозяйств, 39314 – безлошадных, 28 700 – без сельскохозяйственного инвентаря. В этом же году численность скота в крестьянских хозяйствах, по сравнению с показателями 1916 г., составляла лишь 42%⁴⁴.

Нужда толкала крестьян на крайние меры. В отчете о деятельности Глазовского КПП с 1 апреля по 30 сентября 1922 г. описывался случай, когда за 5 ф. хлеба продали сенокосный участок, который дал потом 8 возов сена⁴⁵. На почве голода обострилась криминальная обстановка. В Малопургинской волости Ижевского уезда действовала преступная группировка из 60 человек, результатом деятельности которой стали 20 краж. Неоднократному нападению подвергались ссыпные пункты и склады. Сводки информационно-инструкторского подотдела

констатируют частые случаи самоубийств среди крестьянского населения⁴⁶. Страшным явлением были крестьянские самосуды, учинявшиеся над пойманными грабителями. Криминальная ситуация в области грозила выйти за рамки государственного контроля. Настоящим социальным бедствием стал рост числа беспризорных подростков. В деревнях Можгинского уезда бродили страшные слухи о поедании детей.

Здоровье людей, переживших голод, было подорвано. В середине 1920-х гг. существовал специальный термин "инвалиды голода". В 1923 г. на территории ВАО их насчитывалось 14000 человек.

Голод 1921 – 1922 гг. явился мощным ударом по не оправившемуся после Гражданской войны крестьянскому хозяйству. Кризис в его экономическом измерении выразался в острой нехватке продуктивного и рабочего скота, отсутствии достаточного количества рабочих рук. Изменилась и социальная структура деревни: увеличилось количество хозяйств зависимого типа, эксплуатация которых носила кабальный характер. Крестьяне Удмуртии, как, впрочем, и крестьянство других пострадавших от неурожаев губерний, нуждалось в помощи государства, выраженной в экономической политике, учитывавшей интересы сельских тружеников.

⁴⁰ЦГА УР. Ф. Р-908. Оп. 1. Д. 75. Л. 71.

⁴¹ЦГА УР. Ф. Р-514. Оп. 1. Д. 1. Л. 54 об.

⁴²ЦГА УР. Ф. Р-817. Оп. 1. Д. 18. Л. 38.

⁴³Там же. Л. 11.

⁴⁴Там же. Л. 11.

⁴⁵ЦГА УР. Ф. Р-816. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.

⁴⁶ЦГА УР. Ф. Р-26. Оп. 2. Д. 1. Л. 60 – 61.

THE FAMINE OF 1921 – 1922 IN UDMURTIA: REASONS AND CONSEQUENCES

© 2008 V.A.Klisheva

Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

The paper, based on archival documents and other sources, analyses the reasons and consequences of the famine of 1921 – 1922 in Udmurtia. Special attention is given to the demographical and economic changes among the Udmurtia peasants.